

УДК 343

Захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Экспертные выводы, рекомендации и заключение

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук,
доцент, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ захват заложника относится к категории тяжких преступлений, а при наличии соответствующих квалифицирующих либо особо квалифицирующих признаков – к особо тяжким. Захват заложника посягает на гарантированные Конституцией Российской Федерации (ст. 22) общественную безопасность, а также на жизнь, здоровье, личную свободу и неприкосновенность человека. Данное преступное деяние является разновидностью двубъектных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Общественную безопасность авторы рассматривают как системный объект. Авторское исследование данного феномена уголовно-правового механизма противодействия захвату заложника прежде всего обусловлено спецификой (социальной природой и общественной опасностью) данного преступления и его проявлений, необходимостью охраны целого комплекса социальных благ, на которые осуществляется посягательство.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Экспертные выводы, рекомендации и заключение // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 1А. С. 138-146.

Ключевые слова

Захват заложника, удержание заложника, освобождение заложника, квалифицированный состав преступления, УК РФ, ФСИН России, учреждения уголовно-исполнительной системы.

Введение

Под захватом заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы понимаются противоправные насильственные действия, связанные с изъятием лица из его социума с целью последующего удержания либо с его удержанием вопреки или помимо его воли, совершенные в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, в отношении сотрудников УИС, персонала, осужденных, заключенных под стражу или иных лиц, находящихся в данных учреждениях, в целях понуждения органа государственной власти, организации или физического лица (группы лиц) совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия в качестве условия освобождения заложника.

Захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы

В уголовно-правовом контексте целесообразно рассматривать захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы в качестве квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ [Миненко, 2009].

Удержание потерпевшего-заложника означает насильственное воспрепятствование его стремлению покинуть место его нахождения в качестве заложника, отсутствие возможности возвращения свободы. Заложниками могут стать только физические лица вне зависимости от того, какими социальными признаками они отличаются (возраст, профессия, должность, статус и т. д.).

Если захват или удержание заложника сопровождаются угрозой убийством, причинением ему или его близким тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества перечисленных лиц, то указанные действия охватываются составом преступления в соответствии с ч. 1 ст. 206 УК РФ и поэтому в дополнительной квалификации не нуждаются.

Если в ходе захвата заложника потерпевшему причинен умышленный тяжкий или средней тяжести вред здоровью либо смерть (например, при оказании заложником сопротивления либо совершении попытки побега), то содеянное преступником необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 206 УК РФ.

Способы захвата заложника могут быть самыми разными: тайный или открытый, насильственный либо ненасильственный.

Многие российские ученые признают реализацию факта ограничения свободы лица в ходе его захвата в качестве заложника, но на текущую дату нет единой позиции при решении вопроса о том, что захват заложника априори является насильственным. Тем не менее бывают случаи удержания заложника без его захвата, например, при самостоятельном решении стать таковым взамен другого лица, захваченного ранее.

Разновидностью ненасильственного захвата может являться, как вариант, захват заложника путем обмана или доведения его до состояния невменяемости в процессе принятия или употребления алкоголя, психотропных веществ либо наркотических средств (веществ, изменяющих сознание).

Захват заложника может сопровождаться не только физическим, но и психическим насилием, подразумевает «противоправное воздействие, направленное на психику другого лица с целью подавления его сопротивления и подчинения его воли воле виновного...» [Симонов, Шумихин, 1993, 45].

Факт угрозы применения насилия необходимо понимать как незаконное психическое воздействие на лицо в целях заставить его отказаться от сопротивления и оказать давление на его волю посредством обещания (вербально или в другой наглядно-визуальной форме) причинить опасный или неопасный для его жизни и здоровья вред, в том числе угрожающая демонстрация действиями либо оружием и т. п., которые можно использовать в указанных противоправных целях.

Как показывает криминальная практика, для осуществления захвата лица в качестве заложника совершаются осознанные, волевые, активные действия, а вот удержание лица в качестве заложника может быть и в форме бездействия.

В отличие от ст. 126 и ст. 127 УК РФ, где факт совершения преступления не разглашается, жертва намечена заранее, требования направлены к самому потерпевшему, его близким родственникам, а также к лицам, с которыми похищенный состоит в каких-либо социально-родственных взаимоотношениях.

Захват заложника сопровождается предъявлением определенных требований, прямо указанных в рассматриваемой статье, которые могут быть выдвинуты как государству (Российской Федерации), органам власти (как рассматриваемый вариант – ФСИН России), организациям (международным, государственным, коммерческим и некоммерческим), так и гражданину (группе лиц), совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия. Они могут носить политический (понуждение прекратить какие-либо действия), социальный, национально-шовинистский, национально-сепаратистский, криминальный (предоставить оружие, наркотические средства, крупную сумму денег, освободить от отбывания наказания и т. д.) характер.

Требования при захвате заложника предъявляются открыто, нередко субъект стремится специально предать их широкой огласке, чтобы вызвать общественно-политический резонанс. Это не влияет на квалификацию, но учитывается при оценке общественной опасности содеянного при последующем вынесении приговора судом [Козаченко, Новоселов, 2008, 374].

Моментом окончания данного преступления, связанного с захватом заложника, является время устранения для потерпевшего пределов, установленных преступным посягательством. Это действительно так. Захват заложников представляет собой длящееся во времени преступление, т. е. момент окончания данного преступления не совпадает с началом, причем этот временной отрезок может состоять из минут, часов, дней, недель, месяцев и лет.

С момента захвата заложника с последующим удержанием указанное деяние длится во времени, находясь на стадии уже оконченого преступления. Как отмечалось выше, момент фактического его окончания может оказаться значительно отдаленным во времени, т. е. преступление будет окончено после задержания преступника и освобождения заложника.

Субъективные признаки состава преступления в соответствии с общепризнанной позицией включают в себя субъект преступления и субъективную сторону.

Субъективной стороной преступления выступает психическая деятельность лица, связанная с его совершением и составляющая психическое (т. е. субъективное) содержание [Дагель, Котов, 1974, 123]. Содержанием субъективной стороны преступления являются следующие признаки: вина (умысел, неосторожность), мотив и цель. Они тесно связаны друг с другом и взаимозависимы, но одновременно это самостоятельные психологические явления, имеющие собственное содержание, не входящие друг в друга как составные части [Папог, 2009].

С субъективной стороны захват заложника характеризуется прямым умыслом. Это означает, что преступивший закон осознает уголовную противоправность и общественную опасность

совершаемых им по отношению к потерпевшему действий и старается посредством их совершения понудить государство, организацию или гражданина (группу лиц) предпринять какие-либо действия либо воздержаться от совершения каких-либо действий.

Рассматриваемое преступление не может быть совершено с косвенным умыслом, так как его наличие свойственно преступлениям с формальным и усеченным составом, ибо волевое содержание подобного умысла законодатель связывает с тем, что преступник сознательно допускал факт наступления общественно опасных последствий, относящихся к объективной стороне только материальных составов, или безразлично к этому относился [Резепкин, Журавлев, 2003, 62].

Эмоциональное состояние преступника при захвате заложника в учреждении ФСИН России не является ни признаком основного состава, ни квалифицирующим признаком; надо признать, что указанный факультативный признак субъективной стороны учитывается при назначении наказания в соответствии с ч. 1 ст. 60 и ст. 61 УК РФ.

Согласно правилам законодательной техники, прямой умысел подразумевается при указании цели в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы. Это полностью можно отнести к такому преступлению, как захват заложника. Закон прямо называет цель такого деяния, в результате чего факультативный признак субъективной стороны состава преступления по отношению к захвату заложника выступает в роли конструктивного признака.

Цели данного преступного деяния приведены в рассматриваемой уголовно-правовой норме: понуждение государства, организации или гражданина (группы лиц) совершить какое-либо действие либо отказаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

На практике становится очевидным многообразие характера требований, предъявляемых преступником. Цели преступников могут ими осознаваться или не осознаваться, быть скрытыми, завуалированными, неявными, соответствовать или не соответствовать предъявляемым требованиям и/или быть изначально невыполняемыми.

Анализ ст. 206 («Захват заложника») и ст. 321 («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») УК РФ показывает, что мотив преступления, исключая корыстный (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), не оказывает влияния на квалификацию. Но если захват заложника произведен по политическим, идеологическим, расовым, национальным мотивам либо религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, то указанные мотивы и цель процессуально рассматриваются как отягчающее обстоятельство (п. «е» и п. «е¹» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Субъект преступления рассматривается в российском уголовном праве как один из обязательных элементов состава преступления, а наличие субъекта преступления – в качестве одного из наиболее важных условий уголовной ответственности, ибо «она возможна только при наличии в первую очередь лица, совершившего преступление» [Брайнин, 1967].

Следует отметить, что несмотря на то, что захват заложника при отсутствии квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 206 УК РФ) относится к категории тяжких преступлений, законодатель допускает при определенных условиях возможность освобождения виновного от уголовной ответственности.

- 1) Важное практическое и превентивное значение имеет примечание к ст. 206 УК РФ, гласящее: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава

преступления». Добровольное освобождение потерпевшего предполагает предоставление ему свободы передвижения. При этом виновный должен осознавать последствия дальнейшего удержания потерпевшего. В том случае, когда такие посягательства имеют место быть (прослеживаются по времени), освобождение заложника не может быть признано добровольным. Следует упомянуть, что в уголовном законе отсутствует указание на момент, с которого можно расценивать действия лица, захватившего заложника, как его добровольное освобождение.

- 2) При освобождении заложника по требованию властей предусмотрен следующий вариант событий: властями выдвигается требование предоставить свободу потерпевшему. Освобождение заложника, таким образом, может рассматриваться в качестве специального случая деятельного раскаяния, которое выражается в том, что, осуществив захват заложника и при этом имея возможность удерживать его дальше, виновный идет навстречу требованиям властей и освобождает его, за что не привлекается к уголовной ответственности.

Следовательно, вышепоименованные условия законодательно закрепляют освобождение виновного от уголовной ответственности за захват заложника в случае его позитивного послепреступного поведения [Скуратов, Лебедев, 2011, 159] и являются для него поощряющей нормой. Оговорку *«если в его действиях не содержится иного состава преступления»* надо рассматривать в следующем контексте: при добровольном освобождении потерпевшего виновный не несет ответственности за преступление, а именно за «Захват заложника», но не за другие противоправные деяния, совершенные в связи с этим (причинение вреда здоровью (побои, истязания), угон автомобиля, незаконное завладение оружием и др.). Так, если действия виновного лица определяют условия освобождения от уголовной ответственности по ст. 206 УК РФ, но подпадают под признаки иного состава преступления, процессуально осуществляется изменение квалификации этих действий со ст. 206 УК РФ на соответствующую статью «Особенной части» УК РФ, за исключением ст. 126 и ст. 127 УК РФ.

Первым квалифицирующим признаком захвата заложника считается его совершение по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Здесь усматривается квалифицированный состав преступления, ведь совершение подобного деяния двумя и более лицами непременно усиливает степень его общественной опасности (см. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»). Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее сговорившиеся о совместном совершении преступления.

Второй квалифицирующий признак захвата заложника – совершение преступления с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. Тут нужна конкретизация: насилие, опасное для здоровья или жизни, законодателем определено в разделе VII УК РФ (глава 16). Так, ст. 111 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное причинение здоровью человека тяжкого вреда, опасного для жизни. Данный вред в соответствии с действующим законодательством считается последствием насилия, опасного для жизни, указание на которое содержится в п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Степень тяжести причиненного здоровью человека вреда устанавливается согласно п. 3 «Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522). Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лицу, захваченному в качестве заложника, сопровождавшегося применением насилия, опасного для

жизни или здоровья потерпевшего, охватывается составом преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ, и не требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ. Причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшее по неосторожности смерть заложника, необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 206 УК РФ. При совершении убийства в ходе захвата заложника и/или его удержания или в последующем его освобождении действия преступника будут квалифицированы по ч. 4 ст. 206 УК РФ.

Квалифицирующий признак захвата заложников – совершение его с использованием оружия либо предметов, применяемых как оружие (п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Понятие оружия содержится в ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и трактуется как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также подачи сигналов. Так, совершение преступления с применением оружия или предметов, которые использовались в качестве оружия, квалифицируется по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 222 УК РФ за незаконное ношение оружия не требует [Скуратов, Лебедев, 2011].

Захват или удержание заложника, совершенные в отношении двух и более лиц (п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ), отличаются повышенной опасностью, которая состоит в том, что потерпевшими от преступления – заложниками – в одно и то же время становятся несколько человек, причем умысел виновного это предполагает и виновный данный факт осознает.

Если заложники захвачены из корыстных побуждений или по найму (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), то можно заметить, что корыстные побуждения (мотив преступных действий) традиционно выступаютотягчающим обстоятельством. В основе корыстного мотива обязательно лежит материальная заинтересованность преступника. Формулировка п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ позволяет признать преступление оконченным даже в том случае, если нет подтверждения фактического получения материальных благ, а есть только одна озвученная цель.

Фактическое получение денег или имущества в результате захвата заложника, как и любое другое удовлетворение требований, в дополнительной квалификации не нуждается.

Классификация требуется тогда, когда в качестве подтверждения угрозы преступником был осуществлен последующий захват субъекта, являющегося *prope personis* для заложника, к которому предъявлены имущественные требования, и виновный угрожает насильственными действиями. В таком случае требуется квалификация по совокупности преступлений, которые содержатся в соответствующих частях ст. 163 и п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Законодатель предусмотрел в ч. 3 ст. 206 УК РФ особо квалифицированные виды захвата заложника, а именно деяния, совершенные организованной группой, которые по неосторожности повлекли за собой смерть человека либо другие тяжкие последствия. Организованной группой, согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, считается устойчивая группа лиц, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. В ст. 33 УК РФ законодательно закреплены виды соучастников преступления. При этом члены такой группы вне зависимости от своих ролей будут расцениваться как соисполнители и должны привлекаться к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 206 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Тяжкие последствия, указанные в ч. 3 ст. 206 УК РФ, прямо не названы и представляют собой оценочную категорию для судебного разбирательства. Современная следственная практика и судопроизводство по уголовным делам пользуются довольно устойчивыми критериями для отнесения к категории тяжких определенных последствий: они должны быть точно установлены и доказаны в рамках расследованного уголовного дела, обвинительный приговор суда должен содержать мотивированное признание определенного ущерба тяжким

последствием совершенного преступления. Кроме того, должна быть установлена причинно-следственная связь между совершенным захватом заложника и наступившими тяжкими последствиями [Мельников, Красковский, 2012].

В ч. 4 ст. 206 УК РФ предусматривается ответственность за деяния, указанные в ч. 1 или ч. 2 ст. 206 УК РФ, если они повлекли за собой умышленное причинение смерти человеку. Следует обратить внимание на некую непоследовательность законодателя, установившего наказание по ч. 4 ст. 206 УК РФ (за совершение убийства при захвате заложника) в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет или пожизненного лишения свободы, если сравнить с тем, какая ответственность предусматривается за подобные последствия в виде убийства при похищении человека (ст. 126 УК РФ) и незаконном лишении свободы (ст. 127 УК РФ). Анализ степени общественной опасности вышепоименованных деяний выявил, что наиболее общественно опасным является захват заложника, далее следует похищение человека, а последнее, менее опасное из них – это незаконное лишение свободы [Гилинский, 2006, 155]. Поскольку законодатель не предусмотрел в ст. 126 и в ст. 127 УК РФ такого квалифицирующего признака, как умышленное причинение смерти, следовательно, при наступлении этого тяжкого последствия деяния лица необходимо квалифицировать либо по совокупности преступлений, если речь идет о незаконном лишении свободы (соответствующие части ст. 127 и ст. 105 УК РФ), либо по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если убийство сопряжено с похищением человека, либо по совокупности ст. 127 и ст. 105 УК РФ, если убийство совершено в ходе похищения.

Заключение

По нашему мнению, законодатель логически не последователен при определении общественной опасности вышеуказанных преступных деяний, определяя в случае убийства при похищении человека или незаконном лишении свободы деяния, предусмотренные ст. 127 и ст. 126 УК РФ, более общественно опасными, чем захват заложника. Полагаем, что следует привести в соответствие санкции ст.ст. 105, 127, 126 и 206 УК РФ. При этом можно включить в ст.ст. 126, 127 УК РФ четвертую часть содержания, аналогичного ч. 4 ст. 206 УК РФ, с указанием мер наказания, не превышающих, по крайней мере, размеры наказания, приведенные в ч. 4 ст. 206 УК РФ.

В уголовно-правовом контексте целесообразно рассматривать захват заложника в учреждениях уголовно-исполнительной системы в качестве квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ. В связи с этим востребовано включение в ч. 2 ст. 206 УК РФ клаузулы следующего содержания: *«в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества, в отношении сотрудников УИС, персонала, осужденных, заключенных под стражу или иных лиц, находящихся в данном учреждении»*.

Библиография

1. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1967. 240 с.
2. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2006. 352 с.
3. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 243 с.
4. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. (отв. ред.) Уголовное право. Особенная часть. М., 2008. 1008 с.
5. Мельников М.Г., Красковский Я.Э. Отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы и захвата заложников // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 33-36.
6. Миненко П.В. Исправление осужденных за преступления против общественной безопасности в целях предупреждения специального рецидива: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 233 с.

7. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2009 № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 1.
8. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70563/
9. Рарог А.И. Учение о вине в современной российской науке уголовного права: состояние и перспективы развития // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 216-220.
10. Резепкин О.Ю., Журавлев И.А. Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы. М., 2003. 160 с.
11. Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. М., 1993. 68 с.
12. Скуратов Ю.И., Лебедев В.М. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. М.: ИНФРА-М, 2011. 876 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert opinions, recommendations and conclusions

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Docent, Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Researcher,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article aims to identify the features of hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, describe expert opinions on the problems arising in the process of the enforcement of the effective laws and give recommendations for improving the legislation in this sphere. In accordance with Part 4 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, hostage-taking belongs to the category of serious crimes, and in the presence of the appropriate aggravating or especially aggravating characteristics – to particularly serious ones. Hostage-taking encroaches upon public security that is guaranteed by the Constitution of the Russian Federation (Article 22), as well as life, health, personal freedom and inviolability of an individual. This criminal act is considered to be one of the crimes that have two objects, the main object being public security and public order. The authors of the article view public security as a systemic object. The features of the study of this phenomenon of the criminal legal mechanism used for counteraction to hostage-taking are determined by the specifics (social nature and public danger) of this crime and its manifestations, as well as the need to protect a whole range of social interests.

For citation

Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2018) *Zakhvat zalozhnika v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Ekspertnye vyvody, rekomendatsii i zaklyuchenie* [Hostage-taking in the institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert opinions, recommendations and conclusions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (1A), pp. 138-146.

Keywords

Hostage-taking, hostage-holding, release of hostages, aggravated crime, Criminal Code of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, institutions of the penitentiary system.

References

1. Brainin Ya.M. (1967) *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave* [Criminal liability and its grounds in Soviet criminal law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.
2. Dagal' P.S., Kotov D.P. (1974) *Sub"ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie* [The subjective side of a crime and its determination]. Voronezh.
3. Gilinskii Ya.I. (2006) *Deviantnost', prestupnost', sotsial'nyi kontrol'* [Deviance, crime, social control]. St. Petersburg.
4. Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P. (eds.) (2008) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. The special part]. Moscow.
5. Mel'nikov M.G., Kraskovskii Ya.E. (2012) *Otgranichenie pokhishcheniya cheloveka ot nezakonnogo lisheniya svobody i zakhvata zalozhnikov* [The delimitation of kidnapping from unlawful deprivation of liberty and hostage-taking]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2, pp. 33-36.
6. Mínenko P.V. (2009) *Ispravlenie osuzhdennykh za prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti v tselyakh preduprezhdeniya spetsial'nogo retsidiva. Doct. Diss.* [The correction of people convicted of crimes against public security with a view to preventing special crime repetition. Doct. Diss.] Tambov.
7. *O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki naznacheniya i ispolneniya ugolovnogo nakazaniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29.10.2009 № 20* [On some issues of the judicial practice of imposing and executing criminal penalties: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 20 of October 29, 2009] (2010). *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1.
8. *Ob utverzhdenii Pravil opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov'yu cheloveka: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2007 № 522 (red. ot 17.11.2011)* [On the approval of the Rules for determining the severity of the harm caused to the health of an individual: Decree of the Russian Government No. 522 of August 17, 2007 (as amended on November 17, 2011)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70563/ [Accessed 28/11/17].
9. Rarog A.I. (2009) *Uchenie o vine v sovremennoi rossiiskoi nauke ugolovnogo prava: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [The doctrine of guilt in the modern Russian science of criminal law: the state and development prospects]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian criminological outlook], 4, pp. 216-220.
10. Rezepkin O.Yu., Zhuravlev I.A. (2003) *Zakhvat zalozhnika. Ugolovno-pravovaya reglamentatsiya problem* [Hostage-taking. The criminal law regulation of the problem]. Moscow.
11. Simonov V.I., Shumikhin V.G. (1993) *Kvalifikatsiya nasil'stvennykh posyagatel'stv na sobstvennost'* [The classification of violent encroachment on property]. Moscow.
12. Skuratov Yu.I., Lebedev V.M. (eds.) (2011) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast'* [Comments on the Criminal Code of the Russian Federation. The special part]. Moscow: INFRA-M Publ.
13. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 28/11/17].